Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-84-88

МУЖУХОЕВА Эльза Джунидовна,
Профессор кафедры отечественной истории, кандидат исторических наук ФГБОУ «Ингушский государственный университет»,
e-mail: mail@law-books.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНГУШЕТИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ

Аннотация. *Знание хода исторического развития и ретроспективный взгляд на прошлое всегда является необходимым и актуальным для понимания текущей ситуации. В связи с этим цель данной статьи заключается в кратком рассмотрении социально-экономического положения, характерного для Ингушетии конца XIX – начала XX века. Обращается внимание на то, что именно Ингушетия продемонстрировала готовность и желание стать частью Российской империи еще до заключения Кючук-Кайнарджийского мира, согласно которому в дальнейшем Россия приросла новыми территориями. Внимание автора сфокусировано на особенностях традиционного устройства ингушского общества, типичным для которого всегда являлась идея равенства, а также тех изменениях, которые оно претерпело в ходе имперских реформ. Дана характеристика экономической специфики региона. Подвергнуты анализу и дана авторская оценка факторам, определившим постепенный ход изменения экономической деятельности в сторону интеграции в общероссийскую экономику. В заключительной части статьи кратко подведены итоги социальной и экономической трансформации Ингушетии, сделанные автором в ходе изучения исторических материалов.*

Ключевые слова: *социально-экономическое развитие; социальная структура; рельеф территории; уздени (вольные хлебопашцы и скотоводы); «земельный голод»; кустарное производство; расширение рынков сбыта.*

MUZHUKHOEVA Elsa Dzhunidovna,
Professor, Department of Russian History, PhD in History, Ingush State University

SOCIAL AND ECONOMIC SITUATION OF INGUSHETIA AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES

Annotation. *Understanding the course of historical development and looking back on the past are always necessary and relevant for understanding the current situation. Therefore, the purpose of this article is to briefly examine the socioeconomic situation in Ingushetia in the late 19th and early 20th centuries. It is noted that Ingushetia demonstrated its readiness and desire to become part of the Russian Empire even before the Treaty of Küçük Kaynarca, which subsequently granted Russia new territories. The author focuses on the characteristics of the traditional structure of Ingush society, which has always been characterized by the idea of equality, as well as the changes it underwent during imperial reforms. The economic characteristics of the region are characterized. The factors that determined the gradual change in economic activity toward integration into the Russian economy are analyzed and assessed. The article concludes with a brief summary of the social and economic transformation of Ingushetia, based on the author's study of historical materials.*

Key words: *socio-economic development; social structure; terrain; uzdeni (free farmers and cattle breeders); "land-hunger"; handicraft production; expansion of sales markets.*

В первые годы прошлого века на сцену вышла пьеса американского писателя И. Зангвилла «Плавильный котел», идея которой заключалась в том, что иммигранты из разных стран, попав в Соединенные Штаты, ассимилируются в новой общей культуре единым языком, ценностями и законами. Идея собирания разных народов в единую общность не уникальна, разница в том, насколько представители каждой народности, влившись в общую культуру, с одной стороны встраиваются в нее, а с другой – сохраняют собственные корни. История нашей страны всегда имела несколько иной вектор, поскольку Россия прирастала территориями. Это давало не только увеличение площади и населения, но и культурное многообразие, которое сохранялось, в то время как в социально-экономическом плане новые территории, особенно имевшие изолиро-

ванный уклад, вступали на путь активной интеграции в экономику Российской империи. Учитывая то, что история Ингушетии, одной из первых территорий Северного Кавказа вошедшей в состав Российской империи, является одним из ярких примеров, иллюстрирующих такую смену парадигмы, данная статья имеет своей целью ретроспективное рассмотрение социально-экономического развития Ингушетии в конце XIX – начале XX вв.

Для начала приведем краткую историческую справку, позволяющую составить картину присоединения Ингушетии к Российской империи. Истоки современной Ингушетии лежат в III тысячелетии до н.э., к которому относятся памятники северокавказской культуры, последовательно сменявшиеся гинчинской, кобанской, скифо-сарматской культурой. В конце IV в. н.э. территория Ингушетии контролировалась гуннами, с конца VI в. – Тюркским, а затем Хазарским каганатом, в X в. стала частью государства Алания, на которой в силу влияния Грузии распространилось христианство. Столицей Ингушетии уже в средневековье стал Магас. После завоевания монголо-татарами в XIII в. Северный Кавказ, включая Ингушетию, стал относиться к Золотой Орде, а в XVI в. территория Ингушетии регулярно подвергалась набегам ногайцев. Наконец, победоносная русско-турецкая война 1768-1774 гг. завершилась подписанием Кючук-Кайнарджийского мирного договора, согласно которому в состав Российской империи вошли территории, на которых проживали ингушские общества [1].

Однако, следует отметить уникальность хода истории в случае Ингушетии, поскольку Кючук-Кайнарджийский мир фактически лишь закрепил тот факт, что частью Российской империи Ингушетия стала несколькими годами раньше, а именно в марте 1770 г., на основе подписания личного присяжного обязательства о вхождении в российское подданство представителями ингушских родов [2]. Далее с последней трети XVIII в. и до конца XIX в. (начало рассматриваемого в статье периода) Ингушетией были пройдены следующие шаги по объединению с Россией:

строительство Кавказской (Азово-Моздокской) укрепленной линии, которое началось в 1774 г. и позволило осуществить переселение в Терскую долину жителей центральных губерний;

подписание «Поручительного акта» в 1810 г., обеспечившего принятие российского подданства и обязанности охранять Военно-грузинскую дорогу еще некоторыми ингушскими родами, проживавшими в Терской долине;

вхождение территории современной республики в состав Кавказской области в 1822 г.;

создание Кубанской и Терской области в 1860 г., к последней из которых относились ингушские земли;

1871 г. – объединение Ингушского, Владикавказского и Осетинского округов;

перевод Ингушетии в подчинение Сунженскому казачьему отделу Терской области в 1888 г.;

образование Назрановского округа в 1905 г. на землях Сунженского отдела;

провозглашение уже в советский период сначала Горской ССР в 1920 г., а затем в 1921 г. Горской АССР, включавшей Ингушетию, выделение в 1924 г. Ингушетии в автономную область, затем образование Чечено-Ингушской автономной области в 1934 г. с последующим закреплением за ней в 1936 г. статуса автономной республики [1].

Учитывая данную предысторию и вектор дальнейшего развития, а также то, что пик переселения в долину Терека пришелся на 1880-1890-е гг., рассмотрим теперь непосредственно социально-экономическое положение, сложившееся в Ингушетии на рубеже XIX-XX вв.

На особенности социальной структуры ингушей обращали и обращают внимание многие исследователи (Г. Вертепов, И.А. Гильденштедт, Н. Грабовский, Н.Д. Кодзоев, Я. Рейнеггс и др.). Прежде всего, речь идет об обостренном восприятии равенства и бережном отношении к социальному статусу, что исключало эксплуатацию и крепостнические отношения. Тем не менее, это не означало отсутствие социальной стратификации, хотя она и не присутствовала в «классическом» сословном виде. Схематично деление выражалось в наличии следующих групп:

основу социальной структуры составляли тейпы (кланы или объединения по признаку кровного родства по мужской линии);

выборный старшина и судья (как правило, из представителей знаменитых древних родов, к которым относились Мацехи, Боза, Чев), управляющие обществом и от его имени;

уздени – основное сословие, к которому относились вольные хлебопашцы и скотоводы;

минимальное количество представителей других социальных слоев (духовенство, офицеры, чиновники) [3, с. 95].

Таким образом, можно говорить о демократических началах и социальной дифференциации, имеющих под собой выборный характер публичной власти.

В качестве другого фактора, привносящего специфику в общественное устройство, следует назвать рельеф территории (горы и равнины) и тип поселения (сельские и городские), которые обусловливали различия в образе жизни и роде занятий населения. М.М. Зязиков, анализируя особенности устройства ингушского общества на рубеже XIX-XX вв., отмечает, что для горных районов характерным было проживание родственны-

ми группами на хуторах, имевшее традиционный патриархальный уклад, мало отличавшийся от жизни прежних поколений. Это объясняется тем, что для горных районов типичным был «земельный голод», во-первых, в силу недостатка пахотных участков, сенокосов и пустошей, во-вторых, из-за их традиционного строгого межевания. Общественными являлись только леса, альпийские луга и дикие скалы, доступные для охоты (так называемые неугодья) [4, с. 31]. Очевидно, что в таком случае было нецелесообразным выделение каждому из членов семьи, состоящей из нескольких поколений, отдельного пахотного участка.

Такое устройство социума сохранялось и в течение первого столетия после вхождения Ингушетии в состав Российской империи, однако во второй половине XIX в. реформы царизма привели к неблагоприятным изменениям социального положения ингушей. Суть реформ заключалась в переходе территорий в предгорьях Кавказа, на которых располагались ингушские селения, в казенную собственность. Вследствие этого некоторые жители были изгнаны из своих селений, оставшиеся же платили в казну аренду за право обработки фактически своих же родовых земель. Также значительную часть и без того немногочисленных плодородных земель казна передавала казачьим полкам или землевладельцам с формулировкой «за особые заслуги перед государем». Остальная же земля делилась между поселениями ингушей с учетом их численности. Управление делами перешло от выборных старейшин и судей к чиновникам (старшинам), которые назначались царской администрацией. Возник и институт сельских сходов, который по требованию царской администрации вынужден был брать на себя решение задач, имеющий общественную важность (прокладка каналов, строительство дорог и мостов, размещение воинского контингента) [4, с. 33].

Постепенно равное распределение земли, социальная защита слабых хозяйств (что было принято у ингушей в форме помощи бедствующим семьям силами остальных жителей села) уходило в прошлое, появились крупные землевладельцы, использовавшие наемный труд. Это постепенно приводило к расслоению общества и обнищанию значительной его части, что усугублялось и низким конкурентным потенциалом изделий кустарных промыслов, и отсутствием в Ингушетии заводов и фабрик. В силу перечисленных причин, несмотря на то, что в конце XIX – начале XX вв. большинство ингушей продолжало крестьянствовать, стало развиваться так называемое отходничество. Данным термином обозначалось перемещение в города, где ингуши устраивались работать в другие регионы на фабрики, заводы, нефтяные промыслы.

Резюмируя особенности социального положения ингушей в рассматриваемый период, приведем точку зрения А.М. Аджиговой, которая отмечает, что «суть земельных преобразований сводилась к изъятию земли в собственность казны и последующему наделению ею местного населения на общинном праве» [5, с. 190]. Итогом этого закономерно стало расхищение горских земель, снижение экономической свободы и мобильности населения, уничижительное обращение с ним. Для иллюстрации этого достаточно привести требование начальника Терской области генерала Каханов, датированное 1894 г., о регистрации скота и лошадей «туземного населения», которое было отменено лишь в 1905 г. наместником И.И. Воронцовым-Дашковым [6].

Ожидаемо, что произошедшие изменения в распределении земель, отходничество ингушей, но одновременно и приток экономически активного населения из центральных районов империи, а также продиктованная природными условиями неравномерность развития природных зон и проживающих на разных территориях этнических и социальных общностей нашло свое отражение в экономическом положении Ингушетии в указанный период. Рассмотрим, что именно стало маркером развития экономики Ингушетии конца XIX – начала XX вв.

Следует понимать, что промышленная революция, начавшаяся даже в центральной России со значительным по сравнению с другими державами опозданием (1830-1840-е гг. против 1760-х гг. в Англии), в основном завершилась к 1880-м годам. Однако экономика Ингушетии в конце XIX в. сохраняла традиционный уклад и была преимущественно аграрной, а производства – кустарными. Соответственно, рынок сбыта был ориентирован сугубо на удовлетворение внутренних нужд, причем за счет собственных производительных сил (в том числе и в силу географической отрезанности от внешних рынков). Так, М.С.-М. Нальгиев указывает на наличие пищевых производств (мукомольни, сыроварни), производства изделий из шерсти, кожи, дерева, гончарное и кузнечное дело, для которых была характерна узкая специализация и практически полное отсутствие разделения труда [7]. Таким образом, о промышленности в привычном понимании слова речи не было.

Тем не менее, некоторые ремесленники и крестьяне постепенно превращали свои промыслы в мелкотоварное производство, расширяя рынок сбыта на область и в дальнейшем страну [7, с. 113]. Особенно заметный сдвиг экономическое развитие претерпело по двум причинам: во-первых, рост демографии привел к тому, что началась активная миграция из горных районов, а экстенсивные технологии себя исчерпали, не будучи в состоянии обеспечить растущее население

продукцией, а во-вторых, началось строительство и использование железных дорог для транспортировки сырья и продукции. А.М. Аджигова отмечает, что лимитирующим фактором развития аграрного сектора было малоземелье и скудость почв, позволявшие выращивать только неприхотливые районированные культуры, которые гарантированно давали отдачу. В силу этого 92 % имевшихся в Ингушетии конца XIX в. посевных площадей отводилось под кукурузу, тогда как на следующую по объему культуру – просо – приходилось лишь 5,6 %. Закономерно, что кукуруза превратилась в основной вид экспорта Ингушетии. Более того, со строительством Владикавказской железной дороги, ее продлением до Порт-Петровска (Махачкала) и открытием в 1893 г. железнодорожной станции Назрань экспорт кукурузы демонстрировал колоссальный прирост. Так, если в 1895 г. из Назрани было отправлено 543 тыс. пудов кукурузы, то в 1898 г. более чем в два раза больше (1256 тыс. пудов), к 1908 г. экспорт увеличился еще в полтора раза (1800 тыс. пудов), а в 1913 г. достиг 2844 тыс. пудов [8, с. 14].

Кроме того, Назрань приобрела большое значение в качестве центра торговли, составив конкуренцию Владикавказу, который традиционно являлся экономическим центром Ингушетии. Так, к окончанию XIX в. в Назрани действовало несколько десятков торгово-промышленных заведений, ссыпных амбаров, сушилок, складов керосина, мануфактурных лавок [8]. Важно и то, что развитие капиталистических отношений во всей России оказало положительное влияние на земледелие региона за счет того, что сельское хозяйство Ингушетии вступило на путь интенсивного развития, поскольку стали использоваться и более совершенные фабричные орудия производства, и современные технологии и методы ведения хозяйства [9, с. 37].

Однако рост производства не коррелировал с ростом торговли и развитием земледелия. Производство по-прежнему было кустарным и мелкотоварным, количество более крупных предприятий в Назрановском округе исчислялось единицами (например, в 1914 г. было лишь 7 кирпичных и черепичных, 1 известковое и 2 лесопильных предприятия) [8, с. 14]. Проблему представляло и то, что поскольку значительная часть земельных угодий была передана царским режимом в казенное управление, ингуши были вынуждены брать землю в аренду у казаков. Все это приводило к усилению отходничества ингушей на нефтепромыслы Грозного, Баку; совершалось и принудительное выселение местных жителей, провинившихся перед властью, в Сибирь и другие регионы Российской империи. Однако даже развитие такой перспективной и прибыльной отрасли как нефтедобыча носило экстенсивный характер, поскольку крайне ограниченно применялись достижения научно-технического прогресса [7, с. 114].

Нельзя не отметить и то, что экономическое положение Ингушетии на рубеже XIX-XX вв. носило амбивалентный характер: с одной стороны строительство железных дорог давало значительные плюсы за счет того, что происходило расширение товарного земледелия. С другой – это расширение неминуемо требовало распашки пастбищ, а значит и сокращения поголовья скота, т.е. фактически било по традиционным занятиям ингушей [5, с. 192]. Соответственно, можно говорить о том, что складывалось противоречие: экономический подъем VS кризис традиционной северокавказской экономики.

Подводя итог анализу социально-экономического положения Ингушетии, сложившегося в последние десятилетия XIX и первые десятилетия XX (фактически до начала I мировой войны) века, перечислим основные маркеры рассматриваемого процесса:

усиление социального напряжения, связанное с кардинальным изменением традиционного жизненного уклада ингушей (натуральное хозяйство, родовой быт);

увеличение численности населения за счет так называемой «русской колонизации», против которой предостерегал еще И.И. Воронцов-Дашков, поскольку она приводила к напряженности в отношениях из-за вводимых властями ограничений для коренного населения;

ограниченный характер сферы приложения труда и «земельный голод», приводивший к значительному распространению арендных отношений с землей и к отходничеству трудоспособного населения в города и на нефтяные промыслы;

постепенное превращение кустарных домашних промыслов в мелкотоварное производство и распространение их рынков сбыта не только на область, но и на страну, и даже за границу;

переход к возделыванию урожайных и неприхотливых зерновых (кукуруза) и повышение продуктивности сельского хозяйства за счет использования современной техники заводского производства и прогрессивных методов хозяйствования;

строительство железных дорог, обеспечившее колоссальное наращивание экспорта кукурузы через Назрань;

сохранявшаяся недостаточность развития промышленных предприятий в силу того слабого применения достижений научно-технического прогресса.

Тем не менее, даже кажущиеся на первый взгляд негативными факторы в значительной мере способствовали интеграции Ингушетии в состав Российской империи, обеспечивая посту-

пательное социально-экономическое развитие региона и его постепенное выравнивание с общероссийским.

Список литературы:

[1] Республика Ингушетия (справка по схеме) // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/1413421/ (дата обращения 05.08.2026).

[2] Предпосылки присоединения // В кн. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР [Электронный ресурс]. URL: https://ingushetia.info/2015/01/31/predposylki-prisoedineniya.html (дата обращения 08.08.2026).

[3] Цечоев А.Я. Экономическая дифференциация и социальная стратификация у ингушей в XVIII-XIX веках // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2024. № 4. С. 93-99.

[4] Зязиков М.М. На рубеже столетий. Ингушетия в конце XIX – начале XX веков. Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2011. 280 с.

[5] Аджигова А.М. Развитие новых форм экономики и социальных отношений в период модернизации ингушского общества // Власть истории – История власти. 2024. С. 188-197.

[6] Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе // Проблемы социально-культурного синтеза. Нальчик, 2007. С. 43-60.

[7] Нальгиев М.С.-М. Развитие промышленности Ингушетии конца XIX – начала XX веков // Вестник Университета. 2014. № 5. С. 111-115.

[8] Аджигова А.М. Особенности социально-экономического положения Ингушетии в первые годы XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9(35): в 2-х ч. Ч. I. С. 13-15.

[9] Цечоев А.Я. Интеграция ингушей в состав России в XIX – начале XX вв.: культурный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: исторические и юридические науки. 2026. С. 36-39.

References:

[1] Republic of Ingushetia (help according to the scheme) // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/1413421/ (дата обращения 05.08.2026).

[2] Prerequisites for joining // Book B Essays on the history of the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic [Electronic resource]. URL: https://ingushetia.info/2015/01/31/predposylki-prisoedineniya.html (дата обращения 08.08.2026).

[3] Tsechoev A.Ya. Economic differentiation and social stratification among the Ingush in the XVIII-XIX centuries // News of universities. North Caucasus region. Social sciences. 2024. № 4. S. 93-99.

[4] Zyazikov M.M. At the turn of the century. Ingushetia in the late XIX - early XX centuries. Rostov-on-Don: South Publishing House, 2011. 280 s.

[5] A.M. Ajigova. Development of new forms of economy and social relations during the modernization of Ingush society // Power of history - History of power. 2024. S. 188-197.

[6] Borov A.Kh. North Caucasus in the Russian civilization process // Problems of socio-cultural synthesis. Nalchik, 2007. S. 43-60.

[7] M.S.-M. Nalgiev. Development of the industry of Ingushetia in the late XIX - early XX centuries // Bulletin of the University. 2014. № 5. S. 111-115.

[8] Adzhigova A.M. Features of the socio-economic situation of Ingushetia in the first years of the twentieth century // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov: Letter, 2013. No. 9 (35): in 2 hours. Part I. S. 13-15.

[9] Tsechoev A.Ya. Integration of the Ingush into Russia in the 19th - early 20th centuries: cultural aspect // Bulletin of Volgograd State University. Series: Historical and Legal Sciences. 2026. S. 36-39.